

Иванов-Разумник

Вершины

Александр Блок. Андрей Белый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
И17

И17 **Иванов-Разумник**
Вершины: Александр Блок. Андрей Белый / Иванов-Разумник – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 88 с.

ISBN 978-5-458-37902-1

ISBN 978-5-458-37902-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К истории текста „Петербург“

Роман Андрея Белого „Петербург“ — такое большое явление русской литературы эпохи расцвета „символизма“, что охватить его одним взглядом, оценить его величину и значение можно будет только отойдя от него на значительное историко-литературное расстояние. Изучая такие произведения, как „Петербург“, „Возмездие“, „Эпопея“, „Двенадцать“, всегда вспоминаешь афоризм Нитцше, что, лишь отойдя далеко от города, можно одним взглядом охватить все городские башни; лишь отойдя далеко от башни, можно оценить ее высоту.

Но стоя у подножия башни, можно заняться внимательным изучением ее строения, исследованием тех камней, из которых она сложена. И иной раз случается, что такую работу уже не может произвести тот, кто отдален временем от эпохи самой постройки, кто отдален историко-литературным расстоянием от изучаемого произведения. И наоборот — современники произведения иногда знают о нем такие подробности, которые бесследно пропадают потом для позднейших исследователей. Но „современники“ часто не понимают значения этих сведений, которые нередко так и остаются незакрепленными на бумаге. Если бы, например, кн. П. Вяземский написал подробную заметку о десятой главе „Евгения Онегина“, хорошо ему известной, вместо тех двух строчек, которые он нам оставил о ней, то заметка эта перевесила бы на историко-литературных весах все двенадцать томов его собрания сочинений. Мы, современники „Петербурга“, „Возмездия“, „Двенадцати“ — не очутимся-ли когда нибудь в таком-же положении?

Кое-какими сведениями о „Петербурге“ и наблюдениями над „Петербургом“ хотелось бы поделиться в настоящих заметках.

В 1907 — 1909 году Андреем Белым был написан (напечатанный в 1909 в журнале „Весы“) роман „Серебряный Голубь“; годом позднее, в предисловии к отдельному изданию этого романа, автор объявил его первой частью трилогии „Восток или Запад“. „Большинство действующих лиц („Серебряного Голубя“) еще встретятся с читателем во второй части“, — писал А. Белый в этом предисловии (12 апр. 1910 г.) и сообщал, что герои первого романа — Катя, Матрена, Кудеяров — будут действующими лицами начатой им тогда второй части трилогии, романа „Путники“. Так, в 1910 г. была начата первая редакция романа, в процессе работы сильно менявшаяся и к концу 1911 года доведенная, под новым заглавием „Петербург“, почти до половины. Роман этот должен был с января 1912 года печататься в „Русской Мысли“, но был отвергнут редакторами, один из которых, П. Струве, даже советовал автору отказаться на будущее время от художественной прозы, которая ему, Андрею Белому, так не удастся... Считаю не лишним закрепить в печати этот литературный „северный анекдот“.

Эта первая, *журнальная редакция* „Петербурга“ (условимся называть ее так) сохранилась в окончательной рукописи романа лишь в очень незначительной степени. Листы, переписанные на пишущей машине — следы этой „журнальной редакции“; они лишь слегка вкраплены в рукопись I-ой главы романа, составляют большую часть II-ой, всю III-ю и первую треть IV-ой главы, но все они сильно правлены и переделаны в 1912 году. Во всяком случае первый слой этой „журнальной редакции“ сохранился в „машинных листах“ окончательной рукописи; в этом основном слое можно найти представляющие интерес разночтения и варианты.

Отвергнутый журналом, роман „Петербург“ был принят в начале 1912 года для отдельного издания издательством К. Ф. Некрасова, первые девять печатных листов — почти целиком две первые главы — были отпечатаны к концу 1912 года; в них мы имеем первую переработку „журнальной редакции“. Но так же, как не увидела света первая, журнальная редакция, так не осуществилась и эта вторая, „*бнижная редакция*“ романа.

Издательство К. Ф. Некрасова отказалось от мысли напечатать этот роман, и в конце 1912 года автор передал его издательству „Сириг“, в трех сборниках которого „Петербург“ и появился в 1913 — 1914 гг. Отпечатанные же девять листов отдельного издания были уничтожены и представляют теперь большую библиографическую редкость: сохранилось лишь 3 — 4 экземпляра.

Кроме того в единственном экземпляре сохранились в корректурных гранках еще почти два листа — десятый и половина одиннадцатого, так что всего мы имеем $10\frac{1}{2}$ печатных листов этого неосуществившегося издания. Эти листы и составляют вторую, „книжную редакцию“ романа.

Третьей, основной редакцией — является „сиринский“ текст, для которого первые четыре главы романа были сильно переработаны, а последние четыре — заново переделаны и написаны в 1913 году. Эта третья редакция и составляет окончательный (до переработки 1922 года) текст „Петербург“, известный читателям по трем сборникам „Сирин“; сброшюрованный из трех этих сборников в один том, „Петербург“ вышел впоследствии (в 1916 году) отдельным изданием, с перепечаткой двух соединительных листов между частями, но без всяких перемен. Таким образом основной текст „Петербург“ (как видим — его третья редакция) находится в трех сборниках „Сирин“; в них этот основной текст впервые увидел свет.

Итак, в истории текста „Петербург“ 1913-го года главными вехами являются *три редакции*:

- 1 — „журнальная“ (остались „машинные листы“), — 1911 года,
- 2 — „книжная“ (осталось $10\frac{1}{2}$ печ. лист.), — 1912 года,
- 3 — „сиринская“ (окончательная), — 1913 года.

Таким, образом „Петербург“ написан и окончательно обработан в 1911 — 1913 гг.; чем дальше шла переработка, тем меньше в „Петербурге“ оставалось от „Путников“, от плана 1910 года. В каком направлении шло изменение текста — об этом речь особая; изучение этих изменений можно производить лишь по окончательной, „сиринской“ рукописи „Петербург“. Рукопись эта, состоящая из 600-т полу-листов большого формата, делится на две различные по строению половины: первая половина (пролог и первые четыре главы) почти на половину состоит из „машинных листов“, чем дальше, тем сильнее правленных*); вторая половина (четыре последние главы и эпилог) сплошь рукопись, чем дальше, тем меньше правленная **). Несколько наслоений поправок на „машин-

*) Пролог — рукопись (1912 г.); I гл. — почти сплошь рукопись; II гл. — четверть рукопись, три четверти машинные листы, слабо правлено, 1912 г.; III гл. — почти сплошь машинные листы, сильно правлено; IV гл. — треть машинная, две трети рукопись (1912 — 1913 гг.).

**) V гл. — „Мюнхен“ (1913 г.); VI гл. — без даты (1913 г.); VII гл. — „Боголюб“, 1913 г.; VIII гл. и эпилог — „Берлин, ноябрь 1913 г.“

ных листах" (т. е. на „журнальной редакции“) дают возможность вывести ряд заключений общего характера о той эволюции, которую переживал автор во время длительной работы над текстом „Петербург“ в 1911 — 1913 гг.

Но этим работа его над романом далеко еще не кончилась. В то самое время, как „Петербург“ вышел в России отдельным томом, в 1916 году, автор переделал этот роман для немецкого перевода, вышедшего тремя годами позднее в мюнхенском издании Георга Мюллера („Petersbourg“, Roman von Andrej Bjäly, 1919, München, bei Georg Müller). Хотя эта новая переработка выразилась только в выпусках и сокращениях — довольно значительных, — однако сокращения эти чрезвычайно характерны, являясь как бы мостом от первого издания романа, т. е. от окончательного „сиринского“ текста 1913 года, к той совершенно новой переработке, которую мы находим в новом, последнем двухтомном издании „Петербурга“ (издательство „Эпоха“, Берлин, 1922 г.). Здесь мы имеем тщательную, филигранную обработку старого текста, слова за словом, строки за строкой; перед нами казалось бы старый и в то же время совершенно заново обработанный текст, перед нами казалось бы старый и в то же время совершенно новый, совершенно иной роман. И если все выясненные выше различные редакции „Петербурга“ 1911 — 1913 г.г. доступны пока только немногим, то зато всем интересующимся доступны для сравнения эти две основные, печатные редакции романа Андрея Белого: „сиринский“ текст 1913 г. и „берлинский“ текст 1922 года.

Итак, мы имеем всего *пять редакций* романа Андрея Белого: перечисленные выше три редакции 1911 — 1913 г., затем немецкий перевод 1916 — 1919 г. (который можно назвать „редакцией“ только условно, но по которому можно проследить характерные купюры, отразившиеся и в тексте 1922 года) и наконец последнее издание 1922 года. Эти пять редакций могут быть сравнены по следующим пяти рукописным и печатным текстам:

1. Полная рукопись „Петербурга“, варианты и разночтения, наслоения 1911 — 1913 г.г. (только по этой рукописи можно определить первую, „журнальную редакцию“, пока не исследованы остальные рукописи А. Белого).

2. Отдельное издание (несостоявшееся), первые 10¹/₂ печ. лист., 1912 г. (— „книжная редакция“).

3. „Сиринский“ текст — первое полное печатное издание, 1913 г. (Вышло отдельным томом в 1916 году).

4. Немецкий перевод 1916 г. (издание 1919 г.).

5. „Берлинский“ текст — второе полное печатное издание, 1922 г.

Подробное изучение и сравнение всех этих материалов — дело будущего; о таком произведении, как „Петербург“, будут еще написаны томы. Детальное сравнение всех пяти редакций — тема отдельной монографии, целого тома. В этой монографии будущего автора будут вскрыты интереснейшие частности — например, неожиданная связь сенатора Аблеухова из книжной „второй редакции“ романа с профессором Летаевым из „Эпопеи“ (стр. 30-я из невышедшего в свет книжного издания „Петербурга“ 1912 года почти целиком перенесена в 1920 году в соответственное место „Эпопеи“); в этой монографии будет прослежена по рукописным материалам линия „от Гоголя к Достоевскому“, как явное направление от „Путников“ к „Петербургу“; в ней en regard будет показано, как три страницы неосуществившегося издания 1912 года (напр., стр. 22—24) превращаются в „сиринском тексте“ в два абзаца (I, стр. 21), а в „берлинском тексте“ — в несколько строк (I, стр. 30); таких примеров — десятки. В монографии этой подробно будет изучена основная рукопись „Петербурга“, со всеми ее характернейшими многотажными наслоениями, изменениями, исправлениями; но, повторяю — это дело будущего. Однако и теперь, имея в руках все эти пять полных и частичных редакций романа, можно притти к целому ряду небезинтересных выводов общего характера*). В настоящих заметках я хочу обратить внимание только на некоторые внешние изменения, имеющие однако несомненный интерес. „Петербург“ Андрея Белого явление настолько большое, что общее значение его оценят только отойдя от него на большое расстояние, а пока представляет интерес изучение и отдельных камней, из которых построено это здание.

Начну с мелочей. Сиринский текст заключал в себе (особенно в виду отсутствия „авторской корректуры“) ряд ошибок, недосмотров, опечаток, заключал и несколько случайных и неслучайных пропусков, а также несколько купюр, сделанных редакцией сборников „Сирин“ по причинам цензурным. Кое-что из этого исправлено в берлинском тексте, кое-что осталось без исправления, кое-

*) См. ниже статью „Петербург“.

что еще должно быть исправлено в будущих изданиях романа. Это мелочи, но для истории текста „Петербург“ они окажутся современем небезинтересными.

Вот, например, „цензурные“ пропуски сиринаского текста. Их было пять. В песенке, которая поется на балу у Цукатовых, нельзя было пропустить полностью строчку:

„Он — пёс патристический,
Носил отличный знаки,“ —

но пришлось слово „пёс“ заменить тремя точками... („Сир.“, II, 105). В ответе Александра Ивановича Дудкина на слова Степки о втором Христовом пришествии: „Довольно: все это вздор“ — такими же точками пришлось заменить последнее слово („Сир.“, I, 148). Эти нелепые пропуски восстановлены в берлинском издании. В описании разгоняющего митинг казачьего отряда, в фразе: „синие бородатые люди в косматых папахах и с винтовками на перевес, *сущие оборванцы, нилло, немо, нетерпеливо проплясали на седлах*“, — подчеркнутыми словами пришлось пожертвовать („Сир.“, II, 34). В описании „Высочайшего выхода“ в Зимнем дворце, в начале третьей главы, пришлось выпустить два места, которые ясно показывали, что речь идет именно о „Высочайшем выходе“: после слов: „Эта блестящая шеренга“... („Сир.“, II, 6), было выпущено. „выровненная оберцеремониймейстерским жезлом“, а после слов: „Тотчас же после“... (II, 11), было выпущено: „чрезвычайного прохождения“... Последние три места не восстановлены в берлинском тексте. Но зато на той-же странице теперь раскрыты скобки: вместо прежнего „графа Дубльве“ („Сир.“, II, 11) теперь стоит имя „графа Витте“ („Берл.“, I, 145). Заодно укажу еще на один, на этот раз уже не цензурный, а корректурный пропуск: на первой странице четвертой главы (главка „Летний сад“), после слов: „... присел за решеткой“ („Сир.“, II, 61), по корректурному *недосмотру было пропущено окончание этого абзаца по рукописи: „за той самой решеткой, любоваться которой сюда собирались заморские гости из аглицких стран, в париках, зеленых кафтанах; и дымили они прокопченными трубками“ *). Этими вольными и невольными пропу-

* Корректурный пропуск этот — как нельзя более удачен, ибо фельетовская решетка Летнего сада эпохи Екатерины II-ой в связи с несомненно „петровскими“ зелеными кафтанами, прокопченными трубками и аглицкими гостями — явный анахронизм. Быть может поэтому в пропуске этом не столько случайности, сколько намеренности.

сками исчерпывается разница окончательного текста основной рукописи и сирийского издания.

Более характерными являются изменения, сделанные в ряде мест берлинского текста по сравнению с сирийским. И прежде всего — выброшено все случайное, злободневное, понятное читателям 1913 года, но совершенно невразумительное для читателей 1923 года, не говоря уже о будущих поколениях. В нескольких местах (напр., „Сир.“, I, 39, II, 140; „Берл.“, I, 45, I, 259) выпущена одна ироническая полуфраза: „Аполлон Аполлонович остановился у двери, потому что — как-же иначе?“ ..., или: „надо было выбриться до конца, потому что — как-же иначе?“ ... Это все осколки „журнальной“ и „книжной“ редакции, в которой фраза эта встречается и еще несколько раз; например: „всякий европейский проспект не просто проспект, а проспект, как я уже сказал, европейский, потому что... как-же иначе?“ („Книжная редакц.“, стр. 45). В сирийской редакции все это место, вся эта глава сделаны „Прологом“, в котором приведенная фраза получила невразумительное окончание: „... а проспект (как я уже сказал) европейский, потому что... да“... („Сир.“, I, 4). Явно ироническое не один раз повторение фразы „потому что — как же иначе?“ было бы совершенно непонятно современному читателю, ибо кто-же, кроме самых заискусных любителей литературы, может теперь знать, что мы имеем здесь дело с пародией на начало вызвавшей в свое время много насмешек одной статьи Сергея Городецкого: „Всякий поэт должен быть анархистом; потому что — как же иначе?“ („Факелы“, книга вторая, 1907 г.). И хорошо сделал автор „Петербурга“, убрав эту злободневную насмешку из своего романа, который не на краткие годы вписан в историю литературы.

Еще одна такая же мелкая злободневность вытравлена и в сирийском тексте; при описании начинавшейся октябрьской революции 1905 года, выброшена подчеркнутая ниже фраза: „...не сказал бы никто, что ключем была новая жизнь, что *Потапенко* под таким заглавием оканчивал пьесу, что уже началась забастовка“ („Сир.“, III, 40 и „Берл.“, II, 89). И тоже хорошо; ибо кому интересно, что в 1905 году Потапенко написал пьесу „Новая жизнь“? Нелепо торчавший в сирийском тексте этот эпизод был только случайным уцелевшим обломком еще из „журнальной“ и „книжной“ редакции романа. Приведу из последней в виде примера одно характерное место, каких мы уже не встречаем (за исключением „Потапенки“) в сирийском тексте:

„В Петербурге обитает не одно наше начальство: в Петербурге живут все писатели русские, если только жребий не выбросит их за границу: в Петербурге проживают: Куприн, Мережковский, Андреев и Чириков; в Петербурге живут — Сологуб, Ремизов, Арцыбашев — и прочие, прочие, прочие, даже, кажется, проживает Аверченко. А в Москве писателей нет. Но, может быть, петербургский писатель — явление атмосферы? Тогда все, что вы здесь услышите, и все, что вы здесь увидите — одна только праздная мозговая игра“ („Книжная редакц.“, стр. 47).

Это характерное место и его значение могут стать ясными лишь при оценке „Петербургa“, как некоего динамического целого; здесь достаточно указать, что место это уже не попало даже в сирийский текст.

Обратный пример — обломка „журнальной“ и „книжной“ редакции, сохранившегося не только в сирийском, но и в берлинском тексте — глава „Холодные пальцы“, из первой главы романа („Сир.“, I, 66 — 67; „Берл.“, I, 69 — 70). Заглавие это является более, чем загадочным, ибо в главе этой не только нет ничего, соответствующего заглавию, но нет даже и отдаленного намека на какое бы то ни было объяснение. Загадка объясняется просто, если обратиться к „журнальной“, а затем и „книжной“ редакции: на первых же страницах мы встретимся там с рассказом, как Аполлон Аполлонович в детские годы едва не замерз в снежных равнинах России: „будто чьи-то холодные пальцы, бессердечно просунувшись в грудь, встретились с холодными пальцами чьей-то другой холодной руки, просунутой из спины; обе руки в сердце отрока встретились навсегда, обе руки повели его, указуя жизненный путь“ („Книжная редакц.“, 18). В совершенно переработанном варианте этот эпизод вошел, правда, и в сирийский и в берлинский текст — но уже в середине второй главы („Сир.“, I, 108; „Берл.“, I, 108), десятиами страниц дальше главы „Холодные пальцы“, в которую он, несомненно, должен был войти, и заглавие которой — вероятно по авторскому недосмотру — так и осталось загадочным для читателя.

Есть и еще в сирийском тексте два-три неудачных места, для расшифровки которых надо обращаться к рукописным материалам. В виде примера приведу одно место из сирийского текста (квадратные скобки — все вычеркнутое из сирийского текста в берлинском), то место, когда Александр Иванович Дудкин вспоминает

растерянный вид сенатора Аблеухова, промелькнувшего перед ним в карете:

„... был испуганный взгляд — за каретным стеклом: выпучились, окаменели [и потом], закрылись глаза; [мертвая, бритая] голова п[р]окачалась и скрылась; [из руки — черной замшевой — его по спине не огрел и злой бич жестокого слова; черная замшевая] рука п[р]отряслась там безвластно“ ... („Сир.“, I, 34; Берл.“, I, 41).

Образ „слова“, обогревающего „из руки“, да еще „по спине“ — справедливо не удовлетворил автора, и он выбросил всю эту часть фразы; обратившись к основной рукописи „Петербурга“, мы найдем там объяснение, как возник этот неудачный образ. В рукописи вся эта фраза испещрена поправками, помарками, переделками (закончившимися, как видим, неудачно), под наслоениями которых мы находим разъясняющий все недоразумение вариант: „... в черной замшевой ручке его не свистал злой бич циркуляра“ ...

Слишком далеко увлекло бы нас сравнение двух основных печатных текстов романа с первоначальными вариантами рукописи; ограничиваясь сопоставлением двух изданий, мы увидим в берлинском исправление ряда ошибок сирийского. Когда Аполлон Аполлонович, пролетая по Невскому в карете, видит „разночинца“ и в ужасе отшатывается при виде „пары бешеных глаз“ и подозрительного узелка в руке, то он успевает заметить, что узелок этот *перевязан мокрой салфеткой*, и что незнакомец держит его в *правой* руке; конечно, эти детали наблюдает не ужаснувшийся и „пролетающий в туман“ сенатор, а стоящий за незнакомцем с записной книжкой в руках автор. А когда про ужаснувшегося сенатора тут же говорится, что он *стал спокойно рассматривать* разночинца, то это слишком явное противоречие объясняется (и это можно было бы доказать сопоставлением „журнальной“ и „книжной“ редакции) только неудачный спайкой двух различных вариантов в один. Все это исправлено в берлинском издании, — тем, что выброшено из него (ср. „Сир.“, I, 26 — 27 и „Берл.“, I, 35 — 36).

Примеров исправления таких lapsus'ов много. „Сирийский текст“ в 1912 — 1913 гг. обрабатывался спешно и печатался без авторской корректуры; „берлинский текст“ 1922 года появлялся на свет при

противоположных условиях. Автор, вероятно, склонен считать его окончательным, „не *varietur*“; но можно показать, что при исправлении старых *lapsus*-ов верались, к сожалению, новые, которые следовало-бы исправить в новом издании романа. Хорошо, что зачеркнуто психологически невозможное для революционера, Александра Ивановича Дудкина, раздражение, что Липпанченко, рагвеци, не оказывает достаточного внимания ему, Дудкину, *потомственному дворянину* („Сир.“, III, 57; „Берл.“, II, 103); хорошо, что вычеркнута другая несуразность — диалог „двух бедно одетых курсисточек“, которые яко-бы могли узнать на Невском того-же самого „Неуловимого“, Дудкина, точно фотографии его продавались во всех книжных магазинах! („Сир.“, I, 32; „Берл.“, I, 40; в последнем тексте: „Вдруг — то увидел...“, надо, кроме того, зачеркнуть и оставшееся от сиринского текста „то“). Можно было бы привести еще не один такой пример. Но иногда сокращения текста достигают противоположного результата — когда вычеркивается та часть абзаца, без которой становится непонятна или непонятна оставшаяся его часть. И, к сожалению, таких примеров можно было бы привести тоже не мало.

Невозможно понять, например, откуда появляются в берлинском тексте какие-то таинственные Иванчи-Иванчевские и Козлородовы (II, 174), если не обратиться к тексту сиринскому, в котором на трех страницах дана целая генеалогия их (III, 146 — 148). Или в фразе про Аблеухова:

„... речи [не разрываясь, сверкали и] безгромно струили какие-то яды [на враждебную партию], в результате чего предложение партии там, где следует, отклонялось“ („Сир.“, I, 9; „Берл.“, I, 17).—

(где квадратные скобки по прежнему обозначают отсутствующие в берлинском тексте слова),— непонятно в новом тексте, откуда появилась здесь какая-то „партия“, в то время как по старому тексту (и контексту) ясно, что речь идет о враждебной сенатору Аблеухову партии графа Дубльве. Иногда, благодаря сокращению, новая фраза получает обратный прежнему смысл:

„Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих; [тени же петербургские улицы превращают в людей]. Это видели мы на примере с таинственным незнакомцем“ („Сир.“, I, 43; „Берл.“, I, 49).